

Т.В. Федорова

**Система корпоративных отношений
как фактор формирования личности офицера
(на материалах Восточносибирского военного округа
второй половины XIX – начала XX в.)**

T.V. Fedorova

**System of Corporative Relations as a Factor to Form
Personality of the Officer (On Materials
of East-Siberian Military District in the Second Half
of XIXth – the Beginning of XXth Century)**

Изучение истории русского офицерского корпуса позволяет избежать многих проблем, возникающих в современных вооруженных силах, поэтому в статье рассматривается система корпоративных отношений офицеров в войсках дореволюционной Сибири. В связи с тяжелыми условиями быта служба в данном регионе не считалась достаточно престижной, но в то же время здесь отмечалось сохранение контингента офицерского состава. Этому способствовала деятельность офицерского собрания, в котором велась научно-исследовательская работа и военная подготовка.

Ключевые слова: офицер, офицерское собрание, корпоративные отношения.

Русский офицерский корпус во все времена представлял собой закрытую корпоративную систему, в которой действовали только ей присущие правила и законы. Соблюдение их способствовало сплоченности коллектива, выполнению поставленных целей и задач. «На корпоративном духе, – писал К. Клаузевиц, – легче нарастают кристаллы воинской доблести». В основе офицерской идеологии и морали всегда лежало выполнение воинского долга перед Отечеством. Этот долг офицерство честно исполняло во всех войнах, и военных по праву можно считать самым патриотичным слоем общества. Патриотизм, неразрывно связанный в России с преданностью престолу и вере предков, был краеугольным камнем офицерской психологии.

Именно на этом основывалось представление офицера о его положении в обществе: «Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству» [1, с. 26].

The study on a history of Russian officer staff allows us to avoid many problems appearing in modern armed forces. So the author considers system of the corporative relations between officers in prerevolutionary Siberian troops. Service in the given region was not prestigious because of heavy living conditions, but at the same time it should be noted that officer contingent remained stable. Officer meeting carrying out scientific work and military training promoted this activity.

Key words: officer, officer meeting, corporative relations.

Корпоративность в офицерской среде требовала соблюдения многих правил, ставших традициями. Прежде всего это понятие о личной чести, свидетельством тому является особый свод, получивший название Кодекса чести. При всех других положительных качествах, присущих офицеру, он не мог быть терпимым в военном коллективе, если отличался неразборчивостью в связях и добывании средств, если видел в сослуживце соперника, а не товарища, был завистлив и раздражителен, если не мог возвыситься до истинного понимания чести. Офицеру не положено было принимать участия в ссорах на улице, появляться на людях в нетрезвом виде, неряшливо и не по форме одетым, непочтительно относиться к женщине и т.п. Все это влекло за собой самое резкое осуждение, утрату уважения в офицерской среде. Специфика данного культурного феномена заключалась в том, что он формировался исключительно на основе корпоративных традиций, и его легитимность рассматривалась офицерством на уровне официальных правовых норм. Контроль за соблюдением установленных правил поведения был одной из главных задач своего рода военного клуба, получившего название «офицерского собрания».

В Сибири XIX в. походная жизнь, затрудненное тыловое обеспечение, проблемы быта оказывали

сильное влияние на жизнь офицеров. Военная служба здесь не считалась престижной. В 1856 г. на восточной окраине России возник Восточно-Сибирский военный округ, территория которого включала Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую и Камчатскую области, Приамурский край. Окружное управление размещалось в Иркутске. Все войска, военные управления и заведения в указанных местностях подчинялись генерал-губернатору Восточной Сибири, являвшемуся также командующим Восточно-Сибирским военным округом.

В XIX в. условия жизни войск здесь оставляли желать лучшего. На плечи военных, помимо службы, ложилась и хозяйственная деятельность: посадка огородов, заготовка сена и дров, прокладка дорог, сооружение мостов, доставка провианта, содержание почтовых станций. Расходы людей были постоянными и значительными, а объем самих работ настолько велик, что приходилось работать даже по праздничным дням. И в этой ситуации корпоративная система способствовала поддержанию жесткой дисциплины. Поэтому приказом по военному ведомству №279 от 15 сентября 1884 г. здесь вводилось «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях» [2, с. 279]. Цель его заключалась в сохранении контингента военных кадров, поддержании порядка в войсках, повышении профессионального уровня офицера в Сибири.

В войсках начали практиковать чтение лекций, докладов, проведение тематических сообщений, разборы учений, решение тактических задач. Офицеры поддерживали постоянную связь со столичными научно-просветительскими обществами, такими как Императорское Русское военно-историческое общество, Императорское Русское техническое общество, Императорское Русское географическое общество и др. В состав собрания Иркутского, Омского, Хабаровского гарнизонов входили высококлассные специалисты, многие из которых имели и боевой опыт.

Императорское Русское техническое общество в своем составе имело отдельное Восточно-Сибирское отделение, состоящее из 80 действительных членов и 50 членов-соревнователей [3, с. 15].

Географическими исследованиями края также занимались главным образом офицеры. Например, огромный вклад в изучение Сибири и Центральной Азии внес Григорий Николаевич Потанин, который собрал обширные материалы по географии, ботанике, экономике и этнографии. Наиболее значительными являются следующие экспедиции: в Монголию в 1876–1877 и 1879–1880 гг., в Тибет, Китай и Центральную Монголию в 1892–1893 гг. и на Большой Хинган в 1899 г.

Офицерами были обобщены и систематизированы результаты целого ряда военных экспедиций по исследованию Приамурского края, проведенных в 40–90-х гг. XIX в.:

- 1844–1845 гг. – по южной сибирской границе России;

- 1849–1853 гг. – от Станового хребта до левого побережья Амура под руководством подполковника Ахте;

- 1855–1862 гг. – большая Сибирская экспедиция географического общества, в которой принимали участие офицеры Орлов, Усольцев, Рожков и Смирягин;

- в 1859 г. – по реке Усури;

- 1867–1869 гг. – по Усурийскому краю с участием русского путешественника, исследователя Центральной Азии, почетного члена Петербургской академии наук Н.М. Пржевальского;

- в 1891 г. – по исследованию полезных ископаемых Усурийского края с участием горного инженера Иванова [4].

В состав Императорского Русского географического общества, которое к 1 января 1895 г. насчитывало более тысячи человек, входили Восточно-Сибирское и Приамурское отделения [5].

Офицеры-дальневосточники принимали деятельное участие и в работе ряда столичных научных обществ. Так, в 1906–1910 гг. при главном управлении Генерального штаба работала военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг. под председательством генерала В.И. Ромейко-Гурко. В ее состав входили офицеры М.В. Грулёв, В.Г. Ладьженский и др. Комиссия подготовила и опубликовала труд «Русско-японская война 1904–1905 гг.», состоящий из 16 книг, и альбом карт, включающий 525 карт, планов и схем.

Учитывая сложность службы в регионе, по указу центральной власти было предписано устраивать библиотеки и «офицерские рестораны». Разрешалось также проводить вечера с музыкой, играть в шахматы, шашки и карты. Офицеры активно интересовались чтением, и к их услугам в полк выписывались журналы и отдельные издания по всем отраслям военных знаний. Вообще, в нравственном, умственном и духовном отношении офицерский состав в войсках Сибири был «достаточно хорош» [6, л. 9].

Следует заметить, что армия, чья профессиональная деятельность связана с высокой долей ответственности и риском для жизни, всегда имела жесткую организационную структуру, построенную на строгой субординации и системе приказов. Это требовало определенной знаковой системы, позволяющей четко, а в боевой обстановке и максимально быстро, визуально определить командный состав и концентрировать вокруг него свои действия. Со временем военная символика приобрела, помимо функционального, и нравственное значение. Окрашенная воспоминаниями о боевых заслугах предыдущих поколений, она формировала чувство гордости за свой полк, верность своему званию и данной присяге. Отличительной чертой войск Восточной Сибири была форма. Вместо

шапки, которые носили офицеры центральной России, здесь полагались папахи черного (у генералов – белого) бараньего меха образца 1858 г. Они были введены в сибирских частях для всех видов форм. Офицерский парадный мундир – двубортный «царского» цвета (иссиня-зеленый, смесь темно-зеленого и цвета «морской волны»), как у парадных мундиров офицеров Советской армии) с красными выпушками по борту, по верху воротника, с золочеными пуговицами на плечах для крепления эполет, темно-зеленые шаровары с красной выпушкой по шву. Эполеты имели красное поле и такой же подбой, приборный металл – золото. Офицерский вицмундир отличался от парадного мундира отсутствием шитья, эполет и серебряного офицерского пояса-шарфа, вместо которых носились погоны из золотого галуна с красными просветами и выпушками и шерстяной кушак с бантом. Но чаще всего пехотные офицеры надевали суконный темно-зеленый сюртук или полотняный китель (летом), оба простые по покрою, без украшений. Португеза шашки при повседневной форме была черная лакированная, при парадной – у обер-офицеров из белой юфти, у штаб-офицеров – галунная. Генералам и офицерам также полагались укороченное пальто или тужурка, непромокаемый плащ-накидка. Клапаны воротника и подкладка имели красную выпушку.

Обер-офицерам полагались эполеты без бахромы и погоны с одним просветом, к которым прикреплялись звездочки в соответствии со званием. Подпоручик имел две, поручик – три, штабс-капитан – четыре, капитаны звездочек не имели. Штаб-офицеры (подполковники и полковники) имели эполеты с бахромой и погоны с двумя просветами. Подполковник имел три звездочки, а полковник – ни одной. Звездочки были одного размера как для обер-офицеров, так и для штаб-офицеров и генералов. На погоны полагались золоченые ребристые металлические либо вышитые золотой нитью звездочки, на эполеты – кованые [7].

В русской императорской армии именно полк был основной структурной единицей, и с полковой семьей связывал офицер свой служебный статус. По этой причине в офицерском сообществе очень бережно относились к уже заслуженным форменным наградным отличиям, которые считались предметом полковой гордости. О храбрости в воинском мастерстве офицера говорили его награды. К примеру, подполковник 10-го Сибирского стрелкового полка Ярослав Петрович Горский был кавалером следующих российских и иностранных орденов: Святого Георгия 4-й степени, Золотого оружия с надписью «За храбрость», Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами, Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 3-й степени, Двойного дракона 3-й степени (Китай), Камбоджи 3-го класса (Франция), Двойных лучей Восходящего солнца 5-й

степени (Япония) [8, с. 10–25]. О подвиге, за который Я.П. Горский был удостоен высшей воинской награды, говорят следующие строки: «Высочайшим приказом от 11-го февраля 1901 г. награждены орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени за то, что, находясь в ночь на 1-е августа 1900 г. в составе разведочного отряда генерал-майора Василевского, вызвался с 15 охотниками осмотреть ворота города Пекина, которые должны были атаковать русские войска. Встретив у ворот наружный китайский караул, штабс-капитан Горский приказал переколоть его штыками, благодаря чему караул не успел предупредить о наступлении наших войск, и рекогносцировочный отряд незаметно подошел к самым воротам Пекина. При атаке города ворвался со своей ротой одним из первых в ворота и, будучи ранен двумя пулями в руку и грудь, оставался в строю» [9, л. 6].

Кроме того, среди преподавательского состава военно-учебных заведений Восточной Сибири офицеры также имели большое количество наград. Так, из послужного списка директора Сибирского кадетского корпуса следует, что Павловский Александр Михайлович был награжден орденами: Святой Анны 1-й степени, с императорской короной 1-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святого Владимира 1-й степени, светлой бронзовой медалью в память войны 1855–1856 гг., а также знаками отличия беспорочной службы за 11, 20 и 30 лет [10, л. 1–7об.]. Это свидетельствует о том, что корпоративная система закладывала чувство уважения к офицерскому мундиру уже во время обучения в кадетских корпусах, а период военной службы эти традиции укреплялись.

Но, с другой стороны, влияние корпоративной системы на личность офицера было настолько велико, что даже женитьба офицера не проходила без внимания. Законодательные меры ограничивали право офицера создавать семью до достижения 28-летнего возраста. Разрешение вступить офицеру в брак давалось его высшим начальством (по приказу от 19 марта 1901 г.) – начальником дивизии. И если офицер это делал без разрешения, что обычно было редким явлением, то он подвергался дисциплинарному взысканию. А вопрос о пристойности брака решался обществом офицеров, которое определяло, может ли супруга офицера быть принята в число полковых дам. И если офицерское собрание по каким-либо причинам находило это невозможным, то офицер покидал полк [11]. Достаточно примечателен тот факт, что офицерские жены составляли как бы часть полка, потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых русских, однако не дворянских, семейств.

Даже внутрисемейная жизнь не оставалась без пристального ока офицерского собрания. Офицеры Восточно-Сибирского военного округа со своими семьями, как правило, на период службы снимали жи-

льё у частников, только часть офицеров размещались в собственных помещениях [12, л. 6об.]. Это было связано с нехваткой казенных квартир на весь штатный состав. Проживающие на частных квартирах должны были иметь удостоверение личности и предъявлять его при прописке в паспортном столе [13, л. 6–6об.]. Таким образом, осуществлялся контроль за передвижением военных внутри округа. Кроме того, быт и досуг офицеров были строго регламентированы. Из приказа по Хабаровскому гарнизону следовало, что офицеры могли посещать 7 гостиниц, 3 ресторана, 4 театра и летнюю веранду в городском саду. При этом были указаны конкретные общественные заведения с указанием улиц их расположения, например, зал городского дома во время лекций, концертов и благотворительных вечеров на Муравьево-Амурской улице или Народный дом во время лекций, спектаклей и концертов на Пушкинской улице. Данный приказ был разработан на основании статей 13 и 14 приказа по Военному ведомству от 22 мая 1914 г. №309 «Меры против потребления спиртных напитков в армии» [13, л. 28–28об.].

Можно предположить, что начальство стремилось снизить уровень беспорядков со стороны военных. Но при всестороннем изучении правительственной политики по борьбе с пьянством в целом по стране этот приказ представляется в другом свете.

8 февраля 1914 г. в Государственном Совете происходило обсуждение вопроса о борьбе с пьянством; 11 марта того же года министром финансов П.Л. Барком был издан циркуляр о мерах борьбы

с пьянством. 14 апреля того же года губернаторам был издан циркуляр о мерах борьбы с пьянством [14, с. 51]. Следовательно, общая задача приказа имела общепрофилактический характер, а не отражала усиления пьянства в армии.

Корпоративная система в войсках, с одной стороны, загоняла офицерство в жесткие рамки, но, с другой – способствовала развитию личности, выработывала морально-нравственные качества. Здесь все было учтено, от пуговицы на форме до пристойности поведения. Кроме того, патриотизм, неразрывно связанный в России с преданностью престолу и верой предков, был краеугольным камнем офицерской психологии. Комплекс ритуальной практики, хранителем которого являлся офицерский корпус, был нацелен на сплочение военного коллектива вокруг главной задачи – безупречного исполнения служебного долга. На основе корпоративных традиций формировался особый кодекс чести, легитимность которого рассматривалась офицерством на уровне официальных правовых норм. Знание литературы, истории, иностранных языков, умение играть на музыкальных инструментах, поддерживать в обществе разговоры на различные темы отличали того офицера, который заботился о своей репутации. Подводя итог, можно сделать вывод, что сегодня наблюдается теоретическая и практическая значимость в преемственности патриотических традиций Русской императорской армии для Вооруженных сил РФ, что дает возможность их творческого применения в процессе формирования офицерского корпуса.

Библиографический список

1. Исторический очерк деятельности Военного управления России / сост. ген.-лейт. Богданович. – СПб., 1880. – Т. 5.
2. Приказы по военному ведомству... – СПб., 1884.
3. Записки Императорского Русского технического общества и Свод привилегий, выдаваемых по Департаменту торговли и мануфактур. – СПб., 1894.
4. Настольный справочный календарь на 1919 год. – Хабаровск, 1919.
5. Отчет о деятельности Императорского Русского географического общества. – СПб., 1896.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 768. – Оп. 2. – Д. 15.
7. Ладыгин И.В. Ново-Николаевск в военном мундире 1904–1920 гг. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.novonikolaevsk.com](http://www.novonikolaevsk.com).
8. Памятка о Георгиевских кавалерах Иркутского военного училища. – Иркутск, 1913.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 103.
10. РГВИА. – Ф. 725. – Оп. 56. – Д. 5416.
11. Бородин Н. Офицерское собрание в Российской Армии: история, традиции и пути повышения его роли в современных условиях // Ориентир. – 2004. – №5.
12. ГАХК. – Ф. И-199. – Оп. 1. – Д. 1.
13. ГАХК. – Ф. 768. – Оп. 2. – Д. 10.
14. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем. – М., 1998.